

Людмила
ПЕТРАНОВСКАЯ

Дитя двух семей

**ПРИЁМНЫЙ
РЕБЁНОК
В СЕМЬЕ**

Вопрос-ответ (АСТ)

Людмила Петрановская

**Дитя двух семей.
Приемный ребенок в семье**

«АСТ»

2018

УДК 373.3-058.865
ББК 74.200

Петрановская Л. В.

Дитя двух семей. Приемный ребенок в семье /
Л. В. Петрановская — «АСТ», 2018 — (Вопрос-ответ (АСТ))

ISBN 978-5-17-095737-8

Во второй книге серии «Приемный ребенок в семье» Людмила Петрановская рассказывает о сложном процессе формирования идентичности у приемного ребенка. Автор пытается разобраться в очень сложных и вместе с тем типичных вопросах, которыми задаются родители, решившиеся на усыновление. Нужно ли сохранять в секрете тайну усыновления? Как помочь ребенку пережить разлуку с кровной семьей? Стоит ли поддерживать отношения ребенка с настоящими родителями? Сколько времени нужно ребенку, чтобы принять приемных родителей? На примере историй из жизни выросших приемных детей, автор иллюстрирует каждый из вопросов, волнующих многих отцов и матерей. Это издание будет полезно всем специалистам, которые в своей работе сталкиваются с приемными детьми, приемным родителям и тем, кто только задумывается о том, чтобы взять ребенка в семью. Помимо этого в книге найдется немало ценных советов, которыми могут воспользоваться обычные родители, столкнувшиеся с трудностями в воспитании своих детей.

УДК 373.3-058.865
ББК 74.200

ISBN 978-5-17-095737-8

© Петрановская Л. В., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Введение	7
Глава первая. Как ему сказать?	8
К тайне и обратно	9
Семейные тайны: цена вопроса	13
«Вроде бы как нет начала»[3]	15
«Помню, но не знаю»	16
Он никогда не узнает	17
«Господи, взрослые люди...»	18
«Все паззлы сошлись»	19
«Меня у тебя забирают»	20
А как он узнает?	21
«Я как все»	23
Боимся его ранить	24
«Это – мой сын»	25
Догадывается, но сказать сейчас мы не готовы	26
«Я оплакивала мать, чье лицо не видела никогда»	27
«Я горю в огне»	28
«Близким нельзя врать? Вот как?»	29
Глазами ребенка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Людмила Петрановская

Дитя двух семей.

Приемный ребенок в семье

© Л. Петрановская

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Самое ценное в этой книге – живые рассказы приемных родителей или уже выросших приемных детей. Везде, где было возможно, я старалась давать их от первого лица.

Поэтому особая благодарность автора – приемным родителям Анастасии Добровольской, Леониду Кондратенко, Ирине Кожухаровой, Дине Сабитовой, которые разрешили использовать тексты из своих блогов или даже специально их написали для этой книжки.

Я не знаю по именам, но от этого не менее глубоко благодарю участников ЖЖ-сообщества выросших усыновленных детей <http://usynovlen.livejournal.com>, которые имели мужество разместить свои истории в открытом доступе.

Особая благодарность – создателю этого сообщества и приемной маме Марине Трубицкой. Работа, которую она делает – бесценна. Никакие рассуждения специалистов не заменят исповеди людей, которые пережили все сами.

Хочу сказать спасибо всем приемным родителям и детям, которые делились своими историями на семинарах и тренингах, которые были так открыты, имели столько мужества, так глубоко и честно говорили о своих чувствах на консультациях.

Спасибо!

Введение

В начале любой истории про приемного ребенка лежит боль. Потом, позже, эта история может стать светлой, доброй, теплой, полной любви и радости. Но начинается она всегда с боли. С того, что ребенок был оторван от своих родителей, по их ли решению, по воле ли злого рока или государственных служб, но то положение дел, которое задумано природой: дитя на руках у своей матери или отца, рядом с ними, под их защитой и заботой, – было нарушено, сломано. Европейские коллеги так и называют приемных родителей: «специалисты по потере».

Приемные дети могут быть очень разными – большими и маленькими, больными и здоровыми, вредными и покладистыми, тугодумами и живчиками, но есть нечто общее для любого приемного ребенка. Он всегда дитя двух (иногда трех, четырех) семей. Он всегда рожден в одной, а растет в другой. И ему надо что-то с этим делать, как-то это осознать, пережить, принять. А приемным родителям надо ему в этом помочь, а сначала – самим осознать, пережить, принять.

Это совсем не просто. Возможно, это одна из самых сложных задач, стоящих перед приемными родителями, потому что здесь сплетаются в один узел очень много разных чувств, мифов, рисков. «Как ему сказать? А надо ли говорить? Лучше позже или раньше? А если он нас перестанет любить? У него не будет травмы? Как ему объяснить, что его бросили? Как говорить о родителях, которые были с ним жестоки? Как справиться с собственными чувствами, если я не могу говорить об этом без слез? А вдруг он захочет к ним уйти? Что делать, если он хочет с ними встречаться? А если, наоборот, боится или затаил на них обиду? Как помочь ему простить родителей? Как рассказать о наследственных рисках, чтобы не подтолкнуть к плохому и не испугать?» – это лишь некоторые из вопросов, которые я слышу от приемных родителей на каждом тренинге, на каждом семинаре и на консультациях.

Цель этой книжки – помочь приемным родителям разобраться в своих чувствах и чувствах ребенка, найти правильные слова, не наделать ошибок, создать из боли – любовь, из внутреннего разлада – гармонию. Это требует смелости, честности, мудрости, но не надо думать, что это задача для сверхлюдей. Я знаю очень много приемных родителей, у которых все очень хорошо получилось. И у вас получится.

Глава первая. Как ему сказать?

Этот короткий вопрос безусловно вошел бы в шорт-лист вопросов, которые приемные родители задают психологам на консультациях, семинарах, по Интернету или просто поймав за рукав в коридоре. За ним очень много всего: страх за ребенка и за себя, любовь и ревность, внутренний раздрой между «может, лучше не надо» и «если не сейчас, то когда».

Сегодняшним приемным родителям непросто, потому что однозначной, непротиворечивой традиции «говорить ли и как» не существует. Совсем недавно было принято одно, сейчас считается правильным другое. На это есть разные точки зрения в обществе и разные – внутри семей. Иногда мама хочет сказать, а папа или бабушка против. Кто-то прочитает в Интернете хорошую историю и уже готов своему все рассказать, а потом натывается на критику, объяснения, что все это было неправильно и опасно для ребенка. И тоже вроде звучит убедительно. Кого слушать? Пробыешь со своим ребенком так, как написано, а он совершенно иначе реагирует, и не знаешь, как быть.

Все это совершенно естественно, и к сожалению, действительно не существует рецепта, универсального для всех детей и всех семей – говорить или не говорить, а если говорить, то когда, как и какими словами. Дети разные, ситуации разные, отношения с приемными родителями разные. Все равно придется многое делать по наитию, по ситуации. Но с некоторыми принципами и подходами имеет смысл познакомиться и разобраться – внутри себя, заранее. Тогда и в разговоре с ребенком легче будет ориентироваться по ситуации.

К тайне и обратно

Прежде всего стоит разобраться с традицией, чтобы понять, откуда взялись стереотипы и представления, которые влияют на нас сегодня.

Когда-то давно все было просто. Детей, которые росли не со своими кровными родителями, было много, поскольку материнская смертность была высока, да и мужская тоже. Осиротевшего ребенка брали в дом родственники, реже соседи. Иногда его растили совсем как своего, искренне любя и заботясь, иногда просто помогали выжить и вырасти, иногда жестоко эксплуатировали – это уж кому как везло. Но с его статусом все было ясно: все знали, что ребенок – сирота, что его родители умерли. Только особые ситуации, например угроза жизни ребенка как наследника чьего-то кровного врага, могли заставить скрывать от него и окружающих факт приемности.

Во многих культурах существовали и обряды усыновления. Обычно они имитировали роды и могли применяться (и в основном применялись) к взрослым людям: к примеру, если к родовому племени присоединялся скиталец-одиночка или нужно было «оформить» имущество присоединившегося к общине. Где-то «чужака» травили, где-то, наоборот, ценили и считали особенным. Так, герои мифов и преданий – часто «чужие» дети, потомки богов или духов. Но, приравняв человека (в том числе ребенка) к членам семьи в смысле прав и обязанностей, тайны из его происхождения, конечно, не делали.

Так мир менялся, а в последние сто-двести лет менялся с головокружительной скоростью. Жизнь в городах больше не определялась традициями общины, заниматься судьбой детей, оставшихся без родителей, стали другие инстанции – церковь, городские власти, государство. Хотя большинство осиротевших детей по-прежнему попадали под опеку в семьи родственников, а в деревнях ими по-прежнему занималась община, появились сироты «ничьи». Чаше «ничьими» оказывались дети либо родителей, безнадежно обнищавших в городе и утративших связи с деревенской родней, либо незаконнорожденные, либо дети людей, осужденных за преступления. Так тема сиротства стала сплетаться с темой стыда, греха, вины. То, что прежде воспринималось лишь как несчастье ребенка, его злая доля, становилось клеймом, постыдной тайной, дурными корнями. Поскольку сироты чаще всего воспитывались при церквях или в религиозных приютах и школах, ханжества и презрения к их кровным родителям хватало. О них либо не говорили вовсе, либо их участием пугали и стыдили детей.

Параллельно изменялись и семьи. В городах люди стали жить отдельными – нуклеарными – семьями по принципу: одна семья – один дом. И если раньше бездетная женщина могла найти себя и удовлетворить свой материнский инстинкт, возясь с многочисленными племянниками и прочими родственниками младшего возраста, и при этом она была востребована, уважаема и любима, то теперь эти возможности для нее резко сузились. Она могла вязать племянникам чепчики и приглашать их в гости, но и только.

Также осложнилось положение мужчины: если раньше он приумножал своим трудом или защищал с оружием в руках общее состояние большого семейного клана и для него не так важно было «непременно оставить своего наследника», то теперь мужчина без своих детей не понимал, для кого он работает, кому оставит свое дело, опыт, состояние, дом. А если некому – тогда зачем все, ведь с собой на тот свет не унесешь?

Кроме того, непонятно было, как жить в старости. В семье-общине и дети, и старики общие, а что делать состарившимся в городе супругам или вдове, если нет детей, которые о них позаботятся?

При этом бездетность, неспособность родить ребенка для большинства была бедой и знаком своей «неполноценности», нереализованности в мире. То есть вызывало стыд,

чувство вины и уязвимости. Новая городская реальность, жизнь отдельными нуклеарными семьями у людей с традиционной системой ценностей эти чувства многократно усиливала.

Вот на таком социальном и эмоциональном фоне и проходило становление процедуры официального, государственного усыновления. С одной стороны – «позорные», «неправильные» дети, с другой – «неполноценные», «неправильные» семьи. Неудивительно, что из такого сплава и возникла идея сохранения тайны приема ребенка в семью. Ведь если никто не будет знать, что ребенок усыновлен, можно жить «как все», быть «нормальными», не боясь осуждения и отчуждения в социуме. Все это более чем понятно, тем более что социум и правда мог затравить ребенка, про которого, например, стало бы известно, что он незаконнорожденный. Слова «толерантность» тогда еще никто не знал. Так год за годом складывалось и укреплялось «очевидное» правило: лучше, чтобы никто ничего не знал. Максимального развития этот подход достиг сразу после Второй мировой войны, когда было немало детей как осиротевших, так и незаконнорожденных (в том числе и рожденных «от врагов», в результате насильственных контактов). Интересно, что в Советском Союзе, лишенном вроде религиозных предрассудков, скрывать от окружающих и от самих детей их происхождение начали в связи с «неправильными», «постыдными» родителями – когда появилось много осиротевших детей «врагов народа».

Со временем в идее сохранения тайны усыновления все меньше оставалось защиты от социума, и все больше было защиты ребенка (и его приемных родителей) от правды, связанной с его происхождением. Да и сама эта правда оказывалась все тяжелее: сиротами во второй половине XX века в основном становились не из-за физической смерти родителей, а по причине их отказа от детей или неспособности быть родителями: жестокого обращения, алкоголизма, наркомании. Казалось несомненным, что самое лучшее для ребенка, потерявшего родителей, тем более «плохих» родителей – забыть все, как дурной сон, начать жизнь с чистого листа, искренне верить, что ты был, как все, рожден в своей семье, с самого рождения был желанен и окружен любовью.

Будущие усыновители разрабатывали все более сложные стратегии сохранения тайны, меняли место жительства и работу, заранее привязывали будущей приемной маме искусственный «живот», подбирали ребенка по цвету глаз и группе крови, меняли задним числом его дату рождения, чтобы подогнать под срок заявленных окружающим «родов». Появилась целая «индустрия тайны» – резиновые животы, постепенно увеличивающиеся в размерах, услуги посредников, помогающих найти ребенка «по параметрам» и точно в срок. Некоторые ухитрялись сохранить тайну даже от собственных родителей и старших детей.

В СССР в Кодексе о браке и семье 1969 года была законодательно закреплена «тайна усыновления» – то есть запрет сообщать кому-либо (в том числе самому ребенку) сведения об усыновлении против воли усыновителей, а усыновителям разрешалось изменять не только фамилию, имя и отчество ребенка, но и место, и дату его рождения. Все это объяснялось благом ребенка – пусть ничего не знает и будет счастлив, потому что правда может заставить его страдать. Другим аргументом была защита спокойной жизни приемной семьи от возможных попыток кровных родителей найти и вернуть своего ребенка.

Однако когда дети, на сохранение счастливого неведения которых их родители потратили столько сил, вырастали, все оказывалось вовсе не так радужно. Кто-то из них все же узнавал правду, кто-то догадывался, кто-то не узнавал, но всю жизнь чувствовал, что «с ним что-то не то» (об этом феномене чуть ниже поговорим подробнее). А нередко дети, в которых было вложено столько любви, в подростковом возрасте начинали вдруг ломать свою жизнь, рвать отношения с приемными родителями и копировать поведение кровных, о которых они знать не знали. Кто-то попадал в ужасные, в том числе криминальные истории, кто-то пытался покончить с собой или убежать из дома куда глаза глядят. Если этого не было, то

все равно приемные дети пугали своих любящих приемных маму и папу лютой ненавистью, отчуждением, недоверием и неблагодарностью.

К счастью, не все и не всегда. Многие дети и родители все же справлялись с кризисом, а кто-то просто тихо-мирно миновал все опасные «пороги», но случаев было достаточно много, чтобы у окружающих возникло стойкое впечатление: «сколько волка не корми», «от осинки не родятся апельсинки», «гены есть гены» и т. п. Тогда специалисты глубоко задумались. Жизнь показала, что судьбу человеческую нельзя переписать так же просто, как свидетельство о рождении, что ложь во спасение никого не спасает.

Тем временем продолжались глубинные перемены в семьях. Семья все меньше была просто «ячейкой общества», рациональным способом совместного ведения хозяйства и выращивания потомства. Семья стала миром душевной близости, доверия, глубоких личных отношений. Утаивание «неудобной» правды, лицемерие, отчуждение среди членов семьи, которое веками воспринималось как неприятная, но норма, стали непереносимы для многих людей. Все больше родителей просто не могли себе представить, что им придется годами лгать близкому человеку. Это чувство было важнее и сильнее давления стереотипа о «тайне», и приемные родители, как могли и как получалось, говорили с детьми об их приемности, подбирая слова, придумывая образы и истории и стараясь сказать правду так, чтобы не ранить ребенка. Одновременно и специалисты начали рекомендовать не скрывать от ребенка историю его прихода в семью. Кроме того, прием в семью ребенка стал все больше восприниматься не как «решение вопроса бездетности», а как акт помощи ребенку, самореализация, общественно значимое дело. Детей стали активно принимать и усыновлять семьи со своими детьми, которые, не страдая от своей бездетности, обычно легче относились к тому, что ребенок не своерожденный. В результате в большинстве стран нормой стало открытое усыновление.

Это имело огромное значение для развития семейного устройства, потому что теперь, без тайны, стало обычным делом усыновление детей, вышедших из младенческого возраста, усыновление детей другой национальности и расы, прием в семью ребенка, который помнит и любит своих кровных родственников. Тайна усыновления была одним из тяжелых «камней» на пути развития семейного устройства детей-сирот, и этот камень был сдвинут совместными усилиями приемных родителей, специалистов, СМИ, знаменитостей, которые открыли общественности историю своих семей, а главное – выросших приемных детей, которые начали отстаивать право знать про свою жизнь и свои корни. Не везде и не полностью, но сдвинут, чтобы не мешать живому движению вперед.

В России этот процесс существенно запоздал, но он тоже идет, и он набирает силу. Если десять лет назад почти все кандидаты в приемные родители имели установку «соблюдать тайну» и лишь в процессе работы ее иногда меняли, то сейчас установка на открытость – практически норма, особенно в больших городах. Даже те, кто изначально тайну соблюдал, задумываются и приходят посоветоваться о том, как ее открыть. Помощь приемным родителям, в том числе усыновителям, со стороны государства тоже часто делает тайну бессмысленной, ведь где помощь, там и отчетность, списки, контакты с множеством специалистов – какая уж тут тайна.

Закон о сохранении тайны все еще существует, несмотря на почти солидарное мнение специалистов о ненужности и даже вредности. Причем на практике он почти никогда не применялся для того, чтобы оградить семью и ребенка от посторонних (судебные процессы были единичны), но до сих пор успешно ограждает от правды самих выросших приемных детей, не давая им возможности найти кровных родных. К сожалению, на данный момент даже достигший совершеннолетия приемный ребенок вынужден добиваться права узнать о себе правду через суд, впрочем, чаще всего суды идут навстречу таким искам.

Вот с таким «букетом традиций» имеет дело современный приемный родитель. А поскольку смена представлений происходила очень быстро, то все эти представления вполне могут встретиться, и встречаются, в пределах одной семьи. Например, прабабушка, которая по-деревенски не видит проблемы в том, чтобы приютить сироту, раз есть возможность, и не городить огородов ни с какими тайнами, бабушка, которая в ужасе от того, «что люди скажут» и «как же ему жить, зная, что неродной», и мама с папой, которые не только взяли ребенка, но и готовы, например, пропагандировать идею приемного родительства и давать интервью в СМИ. Договориться бывает непросто.

Да и в самой последней, современной традиции открытого приема ребенка в семью тоже есть разные направления, но о них речь пойдет позже. А сейчас все же о тайне.

Семейные тайны: цена вопроса

Есть любимая подростками довольно жесткая игра, называется «Правда или последствия». Компания бросает жребий, и тот, на кого он выпал, должен выбрать: правда или последствия? Если он выбирает «правду», то обязан совершенно честно ответить на любой вопрос. Если «последствия» – выполнить без отговорок то, что придумает компания. Подростки любят экстремальные переживания, поэтому и вопросы, и задания обычно не из легких. Кто кого тайно любит, кто кому когда соврал – а ну, иди признайся, а ну, давай раздаться, а ну, спрыгни в холодную воду, и все в таком роде. Но подросткам нравится – они любят испытывать себя и друзей.

Приемным родителям приходится играть в эту игру независимо от того, нравится она им или не очень. Им приходится поддерживать тайну, мучительно ожидая всех ее последствий, либо признаваться, что соврали, оставаться беззащитными, душевно голыми, перед трудными вопросами и чувствами ребенка, и окунаться, как в холодную воду, в очень тяжелую правду о его судьбе. Они не могут отказаться играть, не могут махнуть рукой и уйти, им приходится выбирать каждый день: правда – или последствия? Если все же правда, то чего тогда ждать? Или не надо правды, потому что последствия еще когда будут, а может, и обойдется?

И кстати, разве не будет последствий у самой правды? Так что игра получается на порядок сложнее, и на кону – не авторитет в компании, которую на худой конец можно сменить, а отношения с ребенком, жизнь семьи.

Давайте попробуем разобраться, о какой правде и о каких последствиях идет речь.

Собственно, сама идея сохранения любой семейной тайны (тайна прихода ребенка в семью не исключение) исходит из желания предотвратить последствия. В истории нашей страны немало примеров, когда семьи были вынуждены что-то скрывать: свое происхождение из «не того» социального класса; свою национальность и религию; свое родство с «не теми людьми» (репрессированными или иностранцами), факты из жизни родных, которые официальной пропагандой подавались как «постыдные» (пребывание в плену или на оккупированных территориях во время войны).

Каких последствий при этом избегали, всем было понятно: от прямых репрессий и ограничений на учебу и карьеру до просто неудобных вопросов при устройстве на работу и запрета на выезд за границу.

Но были и другие последствия, о чем тогда догадывались немногие. Лишь через годы были проведены исследования, которые показали чисто статистическими методами, насколько дети, искусственно отрезанные тайной от своих «не тех» родственников, особенно прямых: родителей, бабушек и дедушек, оказывались менее благополучными в жизни. К зрелому возрасту они чаще болели, были в целом более несчастными в семейной жизни, не преуспели в самореализации, имели больше психологических проблем. Напротив, дети, чьи приемные родители пошли на риск осложнений отношений с репрессивным государством, отказались врать детям об их родных и делать вид, что тех не существовало вовсе, были в конечном итоге, несмотря на некоторые сложности в молодости, более успешны, здоровы и счастливы. Конечно, когда речь шла о простом выживании семьи и детей, выбирать не приходилось, тайна была меньшим злом. А вот когда хранить семейные тайны продолжали «по инерции» или из соображений прагматических: карьера, выезда за рубеж, – оказывалось, что последствия себе дороже¹.

¹ Подробнее можно прочитать здесь: К. Бейкер, Ю. Б. Гиппенрейтер «Влияние сталинских репрессий конца 30-х годов на жизнь семей в трех поколениях». «Вопросы психологии», № 2, 1995 или <http://www.voppsy.ru/issues/1995/952/952066.htm>

Сейчас мои коллеги семейные терапевты все еще работают с уже третьим-четвертым поколением людей, травмированных семейной тайной, страдающих от чувства «потери корней». Вот их типичные высказывания: «Словно я кого-то потерял и горюю, но не знаю, кого», «С моей семьей что-то не так, она не такая, как надо», «Я не могу быть счастливым со своими детьми, как будто все время смотрю не на них, а назад, в прошлое» и т. п. Очень часто потомки обретают душевный покой, только восстановив воспоминания о прабабушках-прадедушках, вынужденно вычеркнутых из семейной памяти и долгие годы запрещенных к упоминанию, поплавав над их найденными в дальнем углу чердака фотографиями или письмами².

Немало времени понадобилось, чтобы стали осознаваться все последствия сохранения тайны усыновления ребенка. На первый взгляд, все просто: пусть он забудет прошлое и «плохих» родителей, как страшный сон, и растет счастливо, уверенный, что у него все как у всех, что он обычный родной и любимый ребенок мамы с папой. Многие семьи шли по этому пути, и все вроде получалось. Ребенок такой маленький, такой доверчивый – разве трудно ему внушить то, что нам нужно? Где-то умолчать, где-то отшутиться, где-то немного приврать, вот и получится славно.

Однако вот что вспоминают сами приемные дети, дети, которые жили, по мнению родителей, «в счастливом неведенье».

² См. например, об этом в книге Е. Михайловой «Веретено Василисы, или Я у себя одна».

«Вроде бы как нет начала»³

«О том, что я не родной ребенок, я узнала рано. В подготовительной группе детского сада. В течение жизни два раза спрашивала: правда ли это? Мама все отрицала. Когда мне стукнуло 33, я задала этот вопрос еще раз. И тогда мама мне рассказала. Я столько лет догадывалась, и почти знала об этом. Открытая правда меня сразила, я испытала бурю, шквал чувств. Я не думала, что это так перевернет меня. Три года мне понадобилось, чтобы понять и принять решение искать или не искать биомаму. Да, искать. Мне надоело ощущение точки нуля. Ощущение как будто каждый день заново. Ну, вроде бы как нет начала».

«Я не помню детства, но испытываю боль и помню стойкое ощущение одиночества, похожего на мрак, как замороженность, и оцепенение, и желание убежать от этого, либо спрятаться и замереть. Сейчас я могу это описать, а в детстве я не понимала, что со мной не так».

«Наркоз очень похож на то, что я ощущаю из детства. Пришлось пережить пару операций под общим наркозом. Приходишь в себя и сразу накрывает боль тела. Ты еще не сообразил: где? как? что? Организм тебе сигнализирует, что с ним и как было. А я не помню, я же под наркозом была. Потихоньку идет выздоровление, а недели через 3-4 после операции накрывает сильная депрессия. Теперь я знаю, что это последствие пережитого во время операции. Клетки и тело помнят, и мозг где-то там помнит, только я не помню, лишь чувствую последствия того, что происходило. Так было, видимо, и тогда, когда биомاما меня оставила».

В этих рассказах есть поразительно точный образ. Попытка сохранить от ребенка тайну его происхождения больше всего похожа именно на наркоз, искусственное отключение сознания с целью избавить от боли. Как всякий наркоз, этот тоже небезвреден и небезопасен, и, избавляя от ощущения боли, не избавляет от самой травмы, но при этом мешает человеку понять, почему ему плохо, мешает получить помощь, ведь сама боль из его памяти вытеснена.

Очень многие приемные дети, оставленные матерями с рождения, даже те, кому никто ничего не говорил и не намекал, вспоминают об этом чувстве «пустоты вначале». Они говорят, что «не понимали, откуда взялись», ощущали себя «нецелыми», «словно с дырой внутри», «как будто внутри, в глубине что-то очень болит, хотя непонятно, что и почему». Многие из них уже во взрослом возрасте отмечают у себя «синдром годовщины» – резкое ухудшение самочувствия и настроения в первые дни и недели после дня рождения, никак не связанные с реальными обстоятельствами жизни чувство тоски, страха, одиночества, депрессию, нежелание жить. Облегчение приносит только осознание того, что это эмоциональная память пережитого давным-давно ужаса оставленного матерью ребенка, и это дает возможность утешить себя или обратиться за помощью.

Дети, которые осиротели позже, тоже сохраняют в глубине памяти воспоминания ранних лет, до взрослого возраста не осознавая их смысла.

³ Здесь и далее значком • отмечены отрывки из текстов, написанные выросшими приемными детьми, участниками интернет-сообщества <http://usynovlen.livejournal.com>. Иногда в текстах изменены или опущены указания на конкретные факты, которые могли бы нарушить конфиденциальность.

«Помню, но не знаю»

«В 21 год я случайно, из найденного дома старого письма, узнала, что я приемная.

Помню, что дня три я не могла в это поверить. Маму спросить у меня язык не повернулся, а папа умер, когда мне было девятнадцать лет. Я перерыла весь дом, достала все фотографии и старые открытки. Получалось, что до пяти лет обо мне ничего не было. Пересмотрела по-новому свои детские воспоминания. А я помню очень много, с двух с половиной лет или раньше. Помню мать, отца (какого-то дядю Юру) и братика, больницу, детский дом, как мне меняли имя в пять лет, и много других не очень веселых вещей. Например, как отец за матерью с ножом носился, и мы с братом Колей прятались под столом, как мать в ванной смывала кровь с руки, как она плакала, а мы с Колей ее с двух сторон утешали, как мы опять-таки с Колей полезли за игрушкой и выпали из окна второго этажа, я при этом сломала ногу. Мне было два с половиной года, брату полтора.»

«Помню Новый год в детском доме и салют над городом в окне, помню, как ходили в театр на «Дюймовочку» и потом артисты в фойе с нами общались. Помню, как приемная мама принесла мне в детский дом пупса и ему мои товарищи тут же оторвали руки-ноги. Помню, как меня забирали из детского дома и я не хотела уходить, потому что девочка из другой группы обещала дать мне лоскутики. Мама мне сказала, что дома у них целый мешок лоскутиков. Воспитатели на прощание дали мне куклу, стоявшую на шкафу, и это меня поразило – потому что кукол нам играть не давали, они были только для интерьера.

Теперь, конечно, странно, что со всеми этими воспоминаниями я НЕ ЗНАЛА, что я приемная. Но в детстве мои приемные родители на все вопросы находили подходящие ответы, например: «Ты была в круглосуточном детском саду, а мы уезжали в командировку». Дети во все верят, ко всем этим ответам я относилась совершенно не критически и не задумывалась об этом долгие годы. Мне только казалось, что все дети, как Том Сойер, иногда считают себя подкидышами.»

В пять и в семь лет ребенок верит всему, что слышит от родителей, какой бы натянутой ни была их версия. Однако позже он вполне может задуматься и сформулировать более точно: что за важные командировки были у вас, что вы оставляли меня в странных местах, где дети выпадают из окон и кто-то бежит за кем-то с ножом? Где вы были, когда мне было плохо, страшно и одиноко? И не значит ли это, что я и теперь не могу положиться на вас, и мне следует ждать, что вы «уедете в командировку», как только мне станет по-настоящему трудно? Конечно, ребенок может и не пустить эти вопросы в сознание, но останется со смутным ощущением «что-то не то, не так».

Он никогда не узнает

Есть старая поговорка: дети и собаки знают все. Это и так, и не так. С одной стороны, конечно, знают, как девочка из этой истории.

«Господи, взрослые люди...»

На консультации бабушка и девочка-подросток. У нее проблемы в школе, предположительно из-за них плохое самочувствие. Девочку удочерили в возрасте нескольких недель и «она не знает» (это мне заранее сказала коллега, когда просила их принять). Таким образом, я знаю, но делаю вид, что не знаю – довольно глупо, но мне не привыкать (кто-то так годами живет, а у меня только час консультации, грех жаловаться).

Говорим о школе, о семье, в какой-то момент бабушке кажется, что мне пора узнать об «обстоятельствах» (наверное, ее не предупредили, что я знаю – вот как все сложно), и она сначала делает в мою сторону странные многозначительные пассы, а потом прямо просит «выйти с ней на минутку в коридор». Вообще я таких вещей не делаю на сессии и предлагаю все, что представляется важным, говорить здесь или не говорить вовсе. Но бабушка в полном раздоре и явно не может дальше продолжать разговор. Соглашаюсь на минутку выйти, просто чтобы сказать, что я в курсе и она может так не волноваться.

Так вот, никогда не забуду взгляда, которым нас проводила девочка. Его можно было перевести примерно так: «Господи, ну что за детский сад, честное слово... Взрослые люди ведь...». Было ясно, что она прекрасно понимает, зачем эти «выходы в коридор», но поднимать тему сама не будет из жалости к бабушке, но вообще она очень от всего этого цирка устала, хотя уже привыкла постоянно быть ответственной за душевный комфорт своих взрослых родственников.

Жалобы, кстати, у нее были на головокружения и приступы невыносимой усталости, а врачи ничего не нашли. Возможно, просто подростковая астения. А с другой стороны – есть от чего устать, я сама за час этой сложной игры устала. Я извинилась перед ней и постаралась как-то поддержать – а что оставалось? Я не имею права начинать разговор о чужой тайне, если семья к нему не готова. Девочка спросила, может ли она как-нибудь прийти одна, мы договорились, но потом несколько раз звонила ее мама и под разными предлогами встречу отменяла. Все, говорит, прошло. Не знаю, правда ли прошло, или просто семья испугалась возможного развития событий.

С другой стороны, дети могут «и знать, и не знать», все время полудогадываясь и «зная в глубине души», что не мешает им испытать потрясение при первом же откровенном разговоре.

«Все паззлы сошлись»

«Сказать, что был шок – ничего не сказать. Я читала, читала (письмо от матери, в котором раскрывалась тайна), и краем сознания думала, что читаю книгу, смотрю очередной слезливый сериал. Что угодно мне думалось, но только не то, что все написанное касается меня. Но потом, потом, я стала думать и наконец все, все, что казалось мне в моей жизни непонятым, странным, чему я не находила ответа, все нестыковки, все встало на свои места – все паззлы сошлись.»

У многих народов есть сказки о том, как тайное становится явным. Как душа убитой злодеем девушки прорастает из ее крови тростником, из тростника пастух делает дудочку, и эта дудочка всем вокруг сообщает, что произошло. Это образ, метафора того, как из подсознания человека наверх, к свету прорастает правда, иногда в другом облики, но она хочет быть осознанной и пробивается мощно, как тростник. Вот рассказ мамы восьмилетнего мальчика, который был усыновлен совсем маленьким, в две недели, и ничего не знал о своей приемности, но истина прорывалась в его снах.

«Меня у тебя забирают»

«В последнее время он часто просыпается по ночам в слезах, а вечером долго не засыпает, вцепляется в меня, просит не выходить из комнаты, держать его за руку. Мы думали, он испугался чего-то, может быть, на даче, или что-то страшное увидел по телевизору. А недавно он мне вдруг утром говорит: «Мама, мне все время снится, что меня у тебя забирают, а потом – вроде это ты и забрала, и я хочу к той тебе, а сам на руках у этой тебя, просыпаюсь и плачу».

Мальчик очень привязан к маме, но при этом часто бывает на нее зол, дерется, грубит, и тут же вцепляется в нее и говорит, что любит. Маме иногда кажется, будто он говорит не с ней, а с кем-то другим, что как будто видит в ней сразу двух мам: ту, которая оставила, и ту, к которой он прижимается в поиске защиты.

Фантазии, игры и сны про «украденного ребенка» часто встречаются у детей, растущих с тайной. Есть даже психологическая теория, объясняющая склонность приемных детей к вранью и воровству: так они отыгрывают свои фантазии о том, что приемные родители украли их у «настоящих» и теперь им врут. Может быть, это и не всегда так, с враньем и воровством, к сожалению, приходится сталкиваться и приемным родителям, никогда не скрывавшим от ребенка правду⁴. Однако я давно заметила: если приходит приемный родитель, которого от детского вранья просто трясет, и отношения с «ребенком, который мне лжет» кажутся невозможными, вплоть до мыслей о возврате, который с пафосом цитирует заповедь «Не лжесвидетельствуй» и рассуждает о лжи как о непростительном грехе, можно с большой вероятностью предположить, что в данной семье хранят тайну усыновления или утаивают часть правды. Просто наблюдение.

Есть еще одна проблема. Настаивая на том, что «мы и есть твои настоящие родители», приемные родители часто не отдают себе отчета, что тем самым берут на себя ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВСЕ воспоминания ребенка. За то, как его отдали и ушли, или не приходили, когда ему было очень плохо, за то, как с ним плохо обращались. Маленький ребенок не в состоянии разобраться, где кто, он смешивает родителей тех и этих в единый образ и порой злится на людей, которые ничего плохого ему не сделали, или отказывается верить тем, кто его никогда не бросал. В результате страдают его отношения с новыми родителями – и это тоже цена тайны.

⁴ Подробнее об этих видах трудного поведения приемных детей можно прочитать в книге Л. Петрановская «Как ты себя ведешь? 10 шагов по изменению трудного поведения».

А как он узнает?

Как дети узнают тайну своего рождения? По-разному. Часто об этом говорят родственники и знакомые. Часто они находят документы. Некоторые умники сопоставляют группы крови и вообще глубоко задумываются, когда слышат на уроке биологии, что «рецессивный аллель гомозиготен». Самый разрушительный для отношений (и, к сожалению, довольно частый) вариант – когда сами же приемные родители, годами охранявшие тайну, во время конфликтов с подростком в ярости кричат, что «лучше бы мы тебя не брали из детского дома, такую свинью неблагодарную».

Но бывает, что тайна хранится так, что комар носа не подточит, никто ни слова не говорил, а ребенок все равно чувствует. Потому что дети, как тонкие антенны, настроены на своих родителей. Мы часто говорим, что знаем своих детей «как облупленных», хотя на самом деле они-то знают нас гораздо лучше. По одной простой причине: они зависят от нас больше, чем мы от них. От нас зависят их безопасность и благополучие, вся их жизнь: отругаем мы или похвалим, накормим вкусно или запретим сладкое, разрешим гулять или оставим дома. Они зависят от отношений между родителями, от конфликтов между родителями и бабушками-дедушками, от отношения к ним старших братьев или сестер. Они зависят от того, как и с кем мы, взрослые, решим жить, как надумаем изменить свою жизнь – ведь детям придется менять ее вместе с нами. Зависят от нашего настроения и самочувствия, от наших страхов, от того, что мы считаем хорошим и правильным, а что нет. Чтобы «уметь обращаться» с нами, чтобы хоть как-то прогнозировать последствия для себя наших реакций, дети вынуждены нас очень хорошо изучать. И они это делают, совершенно незаметно для себя. А мы порой вообще об этом не догадываемся, замечаем только изредка, когда, например, еще сами не поняли, что нам плохо, а ребенок уже смотрит внимательно и спрашивает: «Мам, ты чего?».

Так вот, очень большую часть информации о родителях – самую большую – дети получают вовсе не из слов. Первые годы жизни они вообще не очень-то владеют речью, к тому же слишком неопытны, чтобы точно понимать смысл слов и оценивать сказанное. Поэтому они гораздо больше верят другим каналам информации, чутко и точно считывая позы, мимику, интонации, даже запах взрослого. Представим себе родителей, которые растят малыша, скрывая от него правду о том, что он приемный. Они далеко убрали все документы, поменяли квартиру, они не сказали ни друзьям, ни знакомым, позаботились о версии про первые фотографии (потеряли, не было тогда фотоаппарата), а может быть, взяли ребенка таким маленьким, что и фото у них есть. Но сами-то они помнят, знают. И поэтому, когда заглядывает соседка и, умиляясь на малыша, говорит: «Ой, какой рыженький! Это он у вас в кого?» мама, конечно, произносит заранее заготовленный ответ: «У нас папа в детстве тоже был рыжеватым», но сама при этом едва заметно напрягается. Легкая пауза, едва напрягшиеся плечи, чуть-чуть вспотевшие ладони. Она и сама не заметила. А ребенок – заметил.

Маленький ребенок – детектор лжи лучше любого полиграфа, потому что его природные инстинкты еще живы и остры, он все видит, слышит, чувствует. Но не осознает. Поэтому он не может сформулировать вопрос: «Мам, а почему ты всегда так нервничаешь, когда кто-то спрашивает, на кого я похож?». Он просто смутно чувствует, что маму что-то пугает и расстраивает, когда речь идет о нем. А поводы для этого родителям жизнь подбирает постоянно: сюжет про усыновление по телевизору, вопрос ничего не подозревающей невестки за семейным столом: «А у тебя с Васькой токсикоз сильный был?», забытая по неосторожности на столе медицинская карта, да мало ли что еще. Какие-то родители очень сильно нервничают, живут буквально «как на иголках». Другие уже сами так поверили в свою версию, что лишь едва заметно меняют голос в некоторые моменты. Но ребенок счи-

тывает эти знаки и растет со смутным ощущением «что-то со мной не так», «я не такой, как надо». Это неосознаваемое чувство своей «нелегитимности» в сочетании с неосознанными же ранними воспоминаниями одиночества и тоски часто становятся основой низкой самооценки вплоть до непонятно откуда берущейся мысли «я не имею права здесь быть».

«Я как все»

Девочку Леру усыновили очень маленькой и она ничего не знала о своем происхождении. Росла, училась, все было неплохо. Потом в семье усыновителей начались проблемы, конфликты, пьянство. В конце концов они отменили усыновление и Лера, будучи уже подростком, оказалась в приюте. Ей было очень сложно поверить в свою приемность и принять то, что ее родители – не родные ей люди, которые просто ее обманывали. Затем она вроде успокоилась, не возражала против идеи познакомиться с новой семьей. В этой семье тоже оказалось непросто, девочка была очень нервной, часто устраивала «концерты», но в целом отношения сложились хорошо, со временем все вроде наладилось.

Но когда Лере исполнилось 15, у нее начались перепады настроения, долгие депрессивные состояния, конфликты с приемными родителями, уходы из дома, и все это с остротой, превышающей обычные подростковые «взбрыки». Потом случилась попытка суицида, к счастью, неудачная. С Лерой работали психиатры, но психических заболеваний не обнаружили, только сильный невроз. В работе с психологом она начала все чаще говорить о своих навязчивых, непонятных ей самой чувствах и мыслях: «я как будто не имею права здесь быть», «я словно с Луны, не как все», «меня никто никогда не поймет, потому что я другая».

В какой-то момент приемной маме пришла в голову мысль пойти вместе с Лерой в роддом, где она родилась (он был известен из личного дела). Там пошли навстречу, достали архивные тетради с записями рождений. И в общем списке, среди других детей – «мальчик, рост 47, вес 3200», «девочка, рост 45, вес 2900» – они вместе нашли запись про Леру. Дата, время, пол, рост, вес, баллы по шкале Апгар – все как у всех. Заурядно. Фамилия мамы – обычной женщины, которая обычным, «как все», способом родила свою дочь. Свидетельство нормального начала жизни, «законного», как у всех остальных, права жить на свете.

Больше попыток суицида не было, Лера постепенно восстановилась и смогла расти и учиться дальше, обретя почву под ногами.

Боимся его ранить

Часто бывает, что родители вроде бы и не хотели ничего от ребенка скрывать, но очень боятся, что этот разговор принесет ему боль, а они не смогут помочь. Особенно переживают родители детей чувствительных, ранимых, или детей, у которых начало жизни связано с особенно болезненными травмами: насилием, долгим одиночеством в доме ребенка, опытом голодной жизни на улице. Сейчас он в безопасности, весел и счастлив, ну зачем его расстраивать? Лучше потом, а потом еще потом, а потом скоро подростковый возраст, первые конфликты – а ну как скажет: «Вы мне никто, чтобы мной командовать», а потом уже подростковый, и так все сложно, а потом поступать в институт – куда уж стресс добавлять, и так далее. Так и живут год за годом, откладывая, не решаясь, оберегая – и на самом деле лишая своего ребенка очень важного ресурса.

«Это – мой сын»

Семейная пара, приемные папа и мама мальчика-подростка, непростого, но очень любимого. Много проблем со здоровьем, хотя благодаря заботе родителей сейчас все намного лучше, чем могло бы быть. Мальчик одаренный, интересный, но неуверен в себе, тревожно привязан к родителям, хотя знает, что любим.

Взяли его около двух лет, о своей приемности он «не знает, но, возможно, догадывается». Задавал наводящие вопросы, но родители смущались, терялись и переводили разговор. Сомневаются: сказать – не сказать, как сказать, не разрушит ли это отношения, не начнется ли у мальчика депрессия (он очень впечатлительный, ранимый). Или, может, еще подождать, когда вырастет.

Я прошу рассказать, как они познакомились с мальчиком. И слышу вот что: супруги и не думали ни о каких приемных детях, просто попали с шефским концертом (они музыканты) в дом ребенка. И увидели мальчика – тщедушного, слабенького, неходячего, не говорящего, едва держащего большую голову на тонкой шейке. Рассказывает папа: «Я просто увидел, что это – мой сын. Не знаю, почему, просто сразу. Потом мне заведующая долго рассказывала, какой он больной, что он обречен на глубокую инвалидность, перечисляла диагнозы, объясняла, что никаких сил и денег не хватит его лечить, намекала, что ребенок другой национальности и будут трудности, что-то говорила про наследственность. Мы были вообще не в теме, никогда не думали об этом, все это звучало страшно, мы всему верили. Но при этом я слушал ее как сквозь стену, вроде все ясно осознавал, уточнял, переспрашивал, а внутри себя точно знал: этого ребенка я отсюда заберу как можно скорее, потому что он – мой сын и должен быть с нами.»

Этот спокойный рассказ невозможно было слушать без слез. Не потому, что кого-то жалко, просто так бывает иногда – прикасаешься вдруг к самой сути, самой глубокой истине жизни, и слезы текут сами. Я только сказала: «Просто подумайте, чего вы его лишаете, какой силы и какой правды, когда скрываете от него приемность, а значит, не можете рассказать ему эту потрясающую историю».

В самом деле, какое лекарство может быть лучше для чувствительного, тревожного ребенка, чем такая история родительской любви, история, которая сама по себе – мощнейший ресурс? Какой смысл, имея сосуд с живой водой в руках, хранить ее в тайне до каких-то там лучших дней, когда ребенку она нужна прямо сегодня?

Для многих приемных детей рассказ о первой встрече с новыми родителями становится любимой «сказкой на ночь». Они бесконечно уточняют и переспрашивают, впитывая в себя эти мельчайшие, такие важные для них подробности: как хотели, как узнали, как увидели, какой был маленький, что сказал, как посмотрел, как впервые взял за руку, как сразу понравился, как хотели скорее забрать домой, как покупали кровать и обещали бабушке, что «скоро-скоро». Каждая деталь этого рассказа для них лекарство от «пустоты вначале», потому что это история нового начала, «перезагрузки», и история хорошая. Справедливо ли лишать ребенка такого лекарства?

Догадывается, но сказать сейчас мы не готовы

Откладывать разговор, отшучиваться, менять тему после того, как ребенок уже дал понять, что догадывается, и начал задавать наводящие вопросы – хуже не придумаешь. Родительская неуверенность, полуложь и утайки вызывают у ребенка тревогу и протест. Что слышит ребенок за полуправдивыми ответами? Примерно вот что: «С тобой, с твоим происхождением связано нечто настолько ужасное, что мы не в силах этого вынести, мы просто не выдержим, расстроимся, расплачемся, с нами что-то плохое случится, если об этом пойдет речь. Пожалуйста, не настаивай».

Как потом ребенку оставаться ребенком при столь слабых духом взрослых, как чувствовать себя защищенным? Что же, ему придется взять на себя и нести ответственность за их душевное равновесие, чтобы они, не дай бог, не расстроились чрезмерно. Тогда какой резон ему их слушаться, если в их отношениях реально старший – он?

Вот несколько историй, из моей практики и не из моей, о том, чем оборачивается для детей родительская слабость, страх перед «нежелательной» правдой и малодушное желание спрятать голову в песок.

«Я оплакивала мать, чье лицо не видела никогда»

«Когда мне было двенадцать, умерла от рака мама моей лучшей подруги. Помню, как ее семья медленно следует за гробом по проходу церкви. Когда другие прихожане встали, чтобы проститься с покойницей, мое тело затряслось, забило от рыданий, это было чувство страшного горя. Такие проявления были не очень-то уместны – это же не моя мама умерла... или моя?

Как ни старались успокоить меня родители, они не знали, что похороны не очень близкого человека вернули меня в состояние моего собственного неоплаканного горя. Меня просто посчитали излишне эмоциональным подростком.

Никто не предполагал, что в тот момент я оплакивала мать, которая носила меня девять месяцев, чье лицо я не видела никогда, но чье сердцебиение было для меня первым источником уверенности. Конечно, моя утрата была иной – ни покойника, ни похорон, ни пустого стула за поминальным столом. И все-таки она была не менее настоящей.

В дальнейшем родители старательно оберегали меня от всего, что могло бы меня расстроить. Поэтому на похороны бабушки, которая умерла несколько месяцев спустя, меня уже не взяли. Я знаю, они старались сделать как лучше, но вышло иначе. Моя утрата оказалась запятана еще глубже, потому что я сделала вывод – другие люди не примут мое горе, его надо держать подальше от чужих глаз⁵».

⁵ Из книги Шерри Элридж «20 вещей, которые усыновленный ребенок хотел бы, чтобы знали его родители».

«Я горю в огне»

Пишет женщина, в 44 года узнавшая, что была приемной дочерью.

«У меня была дичайшая истерика, обзвон всех родственников, и выяснилось, что знали все, кроме меня. Даже мои друзья были в курсе. И МОЛЧАЛИ... ВСЕ, ВСЕГДА. И главное – молчали папа и мама. (...) Для меня мир рухнул, просто обвалился в никуда. (...) Я не смогла родить детей, выкидыши, мертворождения, делали ЭКО не раз... Но я, примирившись с неизбежным, знала, что у меня есть братья, сестры, племянники – какая-никакая, пусть двоюродная, но кровь. А оказалось, что нет НИЧЕГО. И НИКОГО. Мне страшно жить теперь. Я ОДНА. Что теперь, как теперь. С того дня я горю в огне. Мозг просто отказывается думать о чем-то другом. Паранойя – в каждом мало-мальски похожем человеке ищу свои черты. Что дальше?...»

«Близким нельзя врать? Вот как?»

Приемная мама мальчика Вани 11 лет рассказала такую историю.

Ваня дома с раннего младенчества, с 10 месяцев. Тайну не то чтобы строго блюли, родные знали, но с сыном не говорили о приемности. Просто речь не заходила, как-то все было не вовремя. На вопрос Вани, где его фотографии совсем маленьким, ответили, что потеряли при переезде, и он больше не спрашивал.

Когда Ваня был маленьким, он был милым ребенком, без особых проблем. Класа с третьего начались трудности: грубил, не приходил вовремя из школы, дружил с «не теми» ребятами. И главное – все время врал. Смотрит в глаза, обещает, что придет вовремя – и загуляет по дороге из школы, родители бегают, ищут. Нахватал «двоек» – врет, что не спрашивали. Курить пробовал, запах явный – врет, что не было этого. И так во всем. Ругали, стыдили, выводили на чистую воду, все без толку. Жизнь в семье стала невеселой.

Однажды вечером мама решила: хватит на ребенка давить, надо по душам поговорить попробовать. Села рядом, обняла, начала говорить о том, как важно близким людям друг другу верить, как без этого тяжело, как обидно бывает, когда самые близкие люди тебя обманывают. Хорошо так говорила, душевно. Ваня слушал, а потом вдруг с такой взрослой горечью спрашивает: «Значит, близким нельзя врать? Вот как? А фотографии вы потеряли, да?». Сбросил ее руку с плеча и вышел из комнаты.

Непросто им было объясниться. Потом все плакали, и обнимались, и просили друг у друга прощения. И очень долго разговаривали про то, про что столько лет молчали. Хорошо, что Ване было только 11, в 14 лет все могло быть гораздо сложнее. Он мог выйти не из комнаты, а из дома, и – поди догони. Или выйти в окно, не дай Господь. И плакать, и обниматься в этом возрасте ему было бы гораздо сложнее.

Нередко дети в ситуации «полужнания» додумывают историю, которую от них скрывают. Либо сочиняют красивую сказку о кровной маме-кинозвезде, у которой он был украден и которая с тех самых пор страдает и ищет его, а однажды найдет и уж точно не будет запрещать есть шоколад или заставлять пылесосить. Как такие фантазии отражаются на отношениях с приемными родителями, легко догадаться.

Другой вариант – наоборот, самые ужасные фантазии, намного более ужасные, чем действительность. Ребенок может найти самое невероятное объяснение своему чувству «со мной что-то не то»: родители хотели девочку, а я мальчик; они вообще не рады, что я у них есть; я плохой и им не нравлюсь; я должен был умереть, но почему-то (пока) не умер; меня подменили в роддоме, и они мечтают найти того, «своего», ребенка и т. п. Причем эти фантазии пугают ребенка так сильно, что обычно он не может никому о них рассказать и мучается в одиночестве. Лишь иногда – в играх, снах, рисунках, на приеме у психолога – они находят свое выражение в словах и образах.

Как ни странно, но довольно часто семьи приходят на консультацию, начиная разговор со слов: «Он не знает. Но, кажется, догадывается». Иногда выясняется, что это зависание между правдой и тайной длится уже несколько месяцев, а то и годы. В каком состоянии все это время живет ребенок, у которого уже отнято безмятежное неведение, но и правды ему не сказали, трудно даже представить. Сколько душевных сил он тратит на то, чтобы

справиться с тревогой «полузнания»? Как много часов проводит, мысленно прокручивая в голове слова и факты, продумывая, как спросить и что? У каких задач роста и развития отбираются жизненные силы, которые он тратит на фантазии о возможной приемности или, наоборот, пытаясь придумать приемлемые объяснения и заглушить тревожные вопросы?

Пожалуйста, не мучайте детей. Если уж процесс пошел и есть основания думать, что он задался вопросом и догадывается, если ребенок начал «закидывать удочку», спрашивать про фотографии, документы, историю рождения и т. п., поздно думать, говорить или нет. Не тяните, не откладывайте разговор.

Глазами ребенка

Правда? Или последствия? Это решает каждая семья. Закон по-прежнему оставляет за родителями право скрывать правду о жизни ребенка от него самого. Но, принимая решение, стоит задать себе несколько вопросов, посмотрев глазами ребенка.

Хотел бы я сам, чтобы самые близкие мне люди, зная нечто очень важное обо мне, от меня это скрывали? Что бы я подумал и почувствовал, если бы узнал об этом?

Что бы я чувствовал, подозревая, что моя жизнь не принадлежит мне и я ничего не могу с этим поделать? Смог бы я потом стать хозяином самого себя, быть ответственным за свои выборы и поступки, сознательно планировать свою жизнь, если она – не моя, и я даже не могу о ней знать?

Хорошо бы мне было жить в доме, в котором всегда еле слышно тикает бомба семейной тайны, в семье, где родители не могут быть искренними со мной и часто говорят так, словно идут по минному полю? Смог бы я доверять им, смог бы полностью расслабиться рядом с ними?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.